

В. В. Гончаров

Научн. рук. – Т. Н. Усольцева, канд. филол. наук, доцент

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА ПУГАЧЕВА В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ПУШКИНА

Целью данной статьи является исследование особенностей реализации образа Пугачева в работах А. С. Пушкина «История Пугачевского бунта» и «Капитанская дочка».

Две исторические фигуры привлекали особенное внимание Пушкина: Пугачев и Петр I. Первый – вождь крестьянского восстания, потрясшего Россию; второй – реформатор, не считавшийся с жертвами на своем пути и положивший начало новому периоду русской истории. Пугачеву Пушкин посвятил исторический труд «История Пугачева» и роман «Капитанская дочка». По мнению Г. Блока, «“История Пугачева” была для своего времени книгой не только или не столько исторической, сколько политической» [1, с. 5]. «История Пугачева» – единственное законченное и изданное научное исследование А. С. Пушкина на историческую тему. Пушкин намеренно отрешается от всяких эмоций, от всякого субъективного, пристрастного суждения о лицах и событиях в данной работе. Он говорит языком самой истории, приводит факты и свидетельства, освещающие события с разных сторон, порой противоречивые. Тем самым позволяет читателю делать выводы самостоятельно. Автор «Истории Пугачева» стремился к разумному соотношению между документами, хрониками, мемуарами, живыми преданиями очевидцев. При этом он отдавал предпочтение наиболее достоверным. Актуальные проблемы филологии 23 документам. Пушкин как историк и как художник стремился в максимально сжатом повествовании создать цельную картину Пугачевского восстания. Прежде всего, возник вопрос о причинах восстания Пугачева. Оно было вызвано притеснениями яицких казаков со стороны правительства. И об этом Пушкин говорит сразу же. Казаки, селившиеся между Волгой и Яиком, обладали издавна невиданной в других местах вольницей. Правительство «косо» смотрело на вольных казаков. Были введены большие налоги на рыбные промыслы, казаков обязали нести царскую службу, постепенно вводилось военно-чиновническое управление взамен народовластия. Пушкин-историк, по существу, опроверг официальную версию о том, что мятеж был вызван происками «Емельки», «злодейством» возмущившего народ. Напротив, Пугачев «сыскался» для дела, которое уже объективно созрело в силу ряда причин. Не будь Пугачева, «сыскался» бы другой предводитель восстания. Мятеж вызвали несправедливые притеснения со стороны правительства. Вот главный вывод Пушкина. Нередко можно встретить мнение, что «История Пугачева» проникнута сочувствием поэта к главарю повстанцев, что он хотел разоблачить бытовавшее о Пугачеве представление как о бесчеловечном злодее и разбойнике. Возражения на то, что Пушкин не изобразил Пугачева романтическим героем, раздавались сразу же после выхода книги. Пушкин не только отказывается идеализировать историческое лицо, но и приводит в своей книге вопиющие, страшные факты о жестокости Пугачева и его окружения. Исторические хроники содержат описания таких чудовищных зверств, такого террора со стороны воинства Пугачева, что становятся не просто понятны, а даже пронзительны слова Пушкина о русском бунте – «бессмысленном и беспощадном». Писатель рассказывает об этом хладнокровно, составляя своего рода хронологию событий и каталог злодеяний. В историческом исследовании Пушкин показывает реального Пугачева – злодея. «История Пугачева» заканчивается следующими словами: «...имя страшного бунтовщика гремит еще в краях, где он свирепствовал. Народ живо еще помнит кровавую пору, которую – так выразительно – прозвал он пугачевщиною» [2, с. 252]. Иначе обстоит дело в романе «Капитанская дочка»: вдохновение, процесс созидания, угроза смерти, наказания и суда истории сливаются воедино в энергию творчества. Литературоведение 24 Г. А. Гуковский отмечает: «Здесь (в романе “Капитанская дочка”) тиран не показан: нет ни Екатерины II как тирана (наоборот, она появляется в обратной сюжетной роли), ни правителей государства вообще, ни помещика-

крепостника, совершающего акты зверства, стимулирующие бунт, ни ему подобного индивидуального действующего лица. Объектом борьбы народа является строй, система угнетения, а не отдельная личность, и основание восстания – не в отдельном акте жестокости властвующего, а в системе угнетения» [3, с. 376]. Роман «Капитанская дочка» прямо связан с работой Пушкина над «Историей Пугачева». Художественное произведение развивается рядом с научно-исследовательским произведением. Поэтесса Марина Цветаева писала о двух Пугачевых, которые есть у Пушкина: Пугачев в «Капитанской дочке» и Пугачев в «Истории Пугачева» [4]. В романе «Капитанская дочка» Пушкин подошел к истории не как прозаик, но прежде всего как поэт. Пушкин-художник является в «Капитанской дочке» как «переводчик» жизненного материала с его фактографией и исторической закономерностью на язык художественного. Это по-своему подчеркивает Абрам Терц в «Прогулках с Пушкиным»: «...ураган навел автора на благую мысль о буране, из которого очень скоро вылупился Пугачев в “Капитанской дочке”» [5]. Пугачев был фигурой таинственной, и Пушкин бесконечно стремился постичь природу и личность этого человека. Она, эта природа, теснейшим образом связана в романе со стихией. Пугачев появляется внезапно из «мутного кружения метели», в предвверие мужицкого бунта. Он – оборотень и – как оборотень – не поддается четкой фиксации. Точнее сказать, в нем совмещаются несколько зрительных образов, создавая перед глазами притягательную загадку. Фигура материализуется из ночного сумрака и снежного вихря, и образ Пугачева обретает мистическую окраску: «Должно быть, или волк, или человек» [6, с. 248]. От «Истории Пугачева», удостоверяемой всеми, какими ни есть, документами, отделилась ни на что не похожая, своенравная «Капитанская дочка». В романе «Капитанская дочка» Пушкин наделил исторический образ Пугачева целым рядом мифопоэтических признаков. Емельян Пугачев состоит из двух стихий, добра и зла, и, бесспорно, принадлежит к редким явлениям. Актуальные проблемы филологии 25 Пушкин показал не только безжалостного тирана, но и чувствующего человека. Поэтому к Пугачеву «Капитанской дочки» мы проявляем чувство сострадания, в то время как к Пугачеву историческому – лишь вполне понятную неприязнь. Гринев при первой встрече описывает его так: «Лицо его не изъясляло ничего свирепого» [6, с. 250]. Наряду с отрицательными характеристиками самозванца Пушкин представляет нам и обратное, таким образом, вводя нас в замешательство. Нам представляется, что наряду со всеми ужасами, которые он сотворил, ему были свойственны простота душевная, веселость и великодушие. Кроме того, Пугачев является здесь в трагическом ореоле. Он не был причиной восстания. Бунт давно тлел в народе, а Пугачев был лишь орудием, толкнувшим людей на бунт. Б. Бурсов пишет: «Капитанская дочка» в художественном построении явно ориентирована на русский фольклор – на легенды и сказки» [7, с. 420]. По воле автора в романе «Капитанская дочка» Пугачев становится не только носителем общенационального духа, но и обретает мифопоэтическую символику. Пушкин наделил исторический образ Пугачева целым рядом мифопоэтических признаков. Он овеян народной поэзией. Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, Е. М. Мелетинский отмечают: «Народная поэзия по типу сознания тяготеет к миру мифологии, однако, как явление искусства, примыкает к литературе. Двойная природа фольклора делает его в данном отношении культурным посредником, а научные концепции фольклора, становясь фактом культуры, оказывают большое влияние на процессы взаимодействия литературы и мифа» [8]. Итак, выросший из смутной, природной стихии, темной, пугающей и не подвластной разуму, и одновременно выдвинутый народом из собственной стихии – столь же мутной, темной и необходимой, Пугачев оборачивается как вождь бунта и одновременно как его жертва, самозванец и тиран, благодетель и спаситель. В романе «Капитанская дочка» сталкиваются не просто дворянство и крестьянство, а «бунт» и «порядок», «хаос» и «космос», «добро» и «зло» как основополагающие начала бытия. На историческом материале крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева Пушкин попытался раскрыть всю глубину противоречивой действительности. Литературоведение 26 Центром романа является личность как олицетворение власти, личности и общества (Пугачев сочетал в себе все три части триады). Однако образ Пугачева более многозначен. Пушкин ставил перед собой нелегкую задачу – показать

двойственность Пугачева. Поэтому в основу образной системы Пугачева положен целый ряд исторических, мифопоэтических и фольклорных составляющих. Живые, сверкающие глаза его, так запомнившиеся Гриневу, предсказывали способность Пугачева к высоким чувствам и вдохновению. Пушкин поэтизирует способность и возможность человека быть сильнее враждебных обстоятельств. Смысл бытия – в свободе распоряжаться своей жизнью. Так, на поэтической почве оказалось возможным сближение пушкинских и пугачевских точек зрения. Эпицентром конфликта и движущей силой сюжета романа является личность «самозванца», исследованию которой Пушкин посвятил свои исторические произведения. История как наука и история как искусство были в определенной степени близки Пушкину, но неравномерно. Он стремился не только отметить важнейшие события и уловить причинно-следственные связи между ними, но и понять их драматизм, ощутить биение пульса народной жизни, схватить все многообразие красок, отразивших изменчивые судьбы страны и народа на протяжении веков. Таким образом, тему Пугачевского бунта Пушкин разработал в плане «Истории Пугачева» (как научного исследования) и в плане творческой переработки, то есть исторического романа «Капитанская дочка» (как произведения искусства).

Список литературы

- 1 Блок, Г. Пушкин в работе над историческими источниками / Г. Блок. – М. – Л.: АН СССР, 1949. – 142 с.
- 2 Пушкин, А. С. Собр. соч. В 10 т. Т. 7 / А. С. Пушкин. – М.: Худ. лит., 1975. – 580 с.
- 3 Гуковский, Г. Пушкин и проблемы реалистического стиля / Г. А. Гуковский. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. – 416 с.
- 4 Цветаева, М. И. Мой Пушкин. / М. И. Цветаева – М.: Просвещение, 1981. – 222 с.
- 5 Терц, А. Прогулки с Пушкиным [Электронный ресурс]. / А. Терц. – Режим доступа: http://www.modernlib.ru/books/arzhak_nikolay_terc_abram/progulki_s_pushkinim/read/. Дата доступа: 15.05.2013. Актуальные проблемы филологии 27
- 6 Пушкин, А. С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5 / А. С. Пушкин – М.: Худ. лит., 1975. – 576 с.
- 7 Бурсов, Б. Судьба Пушкина : роман – исследование / Б. Бурсов. – СПб.: Сов. писатель, 1986. – 450 с.
- 8 Лотман, Ю. М. Литература и мифы / Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, Е. М. Мелетинский // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. [гл. ред. С. А. Токарев] [Электронный ресурс] / – М., 1980. – С. 9–10. – Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/myth/modelmira.htm>. Дата доступа: 10.05.2013.